

Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: Опыт художественного исследования: В 3 т. М.: Вагриус, 2008.

Т 1: Ч. 1-2.- 592 с. (Усл. печ. Л. 31,1. Тираж 5000).

Т. 2: Ч. 3-4.- 640 с. (Усл. Печ. Л. 33,6. тираж 5000).

Т. 3: Ч. 5-7.- 688 с. (Усл. Печ. Л. 36,12. Тираж 5000)

Т.3. С. 7. Сталин очень любил старые слова, он помнил, что на них государства могут держаться столетиями. Безо всякой пролетарской надобности он приращивал отрубленные второпях: "офицер", "генерал", директор", "верховный". И через двадцать шесть лет после того, как Февральская революция отменила каторгу -- Сталин снова её ввёл. Это было в апреле 1943-го года, когда Сталин почувствовал, что, кажется, воз его вытянул в гору.

Т. 1. С. 40. ДО него [потока 1937 года] был поток 29-го-30-го годов, с добрую Обь, протолкнувший в тундру и тайгу миллиончиков пятнадцать мужиков (а как бы и не поболе). Но мужики -- народ бессловесный, бесписьменный, ни жалоб не написали, ни мемуаров. С ними и следователи по ночам не корпели, на них и протоколов не тратили -- довольно и сельсоветского постановления. Пролился этот поток, всосался в вечную мерзлоту, и даже самые горячие умы о нём почти не вспоминают. Как если бы русскую совесть он даже и не поранил. А между тем не было у Сталина (и у нас с вами) преступления тяжелей.

И ПОСЛЕ был поток 44-го -- 46-го годов, с добрый Енисей: гнали по сточным трубам целые нации и еще миллионы и миллионы -- побывавших (из-за нас же!) в плену, увезенных в Германию и вернувшихся потом. (Это Сталин прижигал раны, чтоб они поскорей заструпились и не стало бы надо всему народному телу отдохнуть, раздышаться, подправиться.) Но и в этом потоке народ был больше простой и мемуаров не написал.

Т. 1. С. 80. Пункт тринадцатый [58-й статьи], по видимости давно исчерпанный, был: служба в царской охранке.³⁰ (Аналогичная более поздняя служба, напротив, считалась патриотической доблестью.)

³⁰ Есть психологические основания подозревать И. Сталина в подсудности также и по этому пункту 58-й статьи. Далеко не все документы относительно этого рода службы пережили февраль 1917 г. и стали широко известны. Умиравший на Колыме В. Ф. Джунковский, бывший директор Департамента полиции, уверял, что поспешный поджог полицейских архивов в первые дни Февральской революции был дружным порывом некоторых заинтересованных революционеров.

Т. 1. С. 82. А осенью, когда к двадцатилетию Октября ожидалась с верою всеобщая великая амнистия, шутник Сталин добавил в уголовный кодекс невиданные новые сроки -- 15 и 20 лет.³²

Т. 1. С. 83-84. И вот как бывало, картинка тех лет. Идет (в Московской области) районная партийная конференция. Её ведёт новый секретарь райкома вместо недавно посаженного. В конце конференции принимается обращение преданности товарищу Сталину. Разумеется, все встают (как и по ходу конференции все вскакивали при каждом упоминании его имени). В маленьком зале хлещут "бурные аплодисменты, переходящие в овацию". Три минуты, четыре минуты, пять минут они всё еще бурные и всё еще переходящие в овацию. Но уже болят ладони. Но уже затекли поднятые руки. Но уже задыхаются пожилые люди. Но уже это становится нестерпимо глупо даже для тех кто искренно обожает Сталина. Однако: кто же первый осмелится прекратить? Это мог бы сделать секретарь райкома, стоящий на трибуне и только что зачитавший это самое обращение. Но он -- недавний, он -- вместо посаженного, он сам боится! Ведь здесь, в зале, стоят и аплодируют энкаведисты, они-то следят, кто покинет первый!.. И аплодисменты в безвестном маленьком зале, безвестно для вождя продолжаются 6 минут! 7 минут! 8 минут!.. Они погибли! Они пропали! Они уже не могут остановиться, пока не падут с разорвавшимся сердцем! Еще в глуби зала, в тесноте, можно хоть чуть сжульничать, бить реже, не так сильно, не так яростно, -- но в президиуме, на виду?! Директор местной бумажной фабрики, независимый сильный человек, стоит в президиуме, и понимая всю ложность, всю безысходность положения, аплодирует! -- 9-ю минуту! 10-ю! Он смотрит с тоской на секретаря райкома, но тот не смеет бросить. Безумие! Повальное! Озираясь друг на друга со слабой надеждой, но изображая на лицах восторг, руководители района будут аплодировать, пока не упадут, пока их не станут выносить на носилках! И даже тогда оставшиеся не дрогнут!.. И директор бумажной фабрики на 11-й минуте принимает деловой вид и опускается на место в президиуме. И -- о, чудо! -- куда делся всеобщий несдержанный неопикуемый энтузиазм? Все разом на том же хлопке прекращают и тоже садятся. Они спасены! Белка догадалась выскочить из колеса!..

Однако, вот так-то и узнают независимых людей. Вот так-то их и изымают. В ту же ночь директор фабрики арестован. Ему легко мотают совсем по другому поводу десять лет. Но после подписания 206-й (заключительного следственного протокола) следователь напоминает ему:

-- И никогда не бросайте аплодировать первый!

(А как же быть? А как же нам остановиться?..)34

Вот это и есть отбор по Дарвину. Вот это и есть изматывание глупостью.

Т. 1. С. 100-101. Но потребности времени, как понимал их Сталин, менялись, и та десятка, которая казалась достаточной в ожидании свирепой войны, сейчас, после всемирно-исторической победы, выглядела слабовато. И опять пренебрегая кодексом или забыв, что есть уже многочисленные статьи и указы о хищениях и воровстве, -- 4

июня 1947 года огласили перекрывающий их всех Указ, который тут же был окрещен безунывными заключёнными как Указ "четыре шестых".

[...]

Эта новая линия Сталина -- что теперь-то, после победы над фашизмом, надо САЖАТЬ как никогда энергично, много и надолго, -- тотчас же, конечно, отозвалась и на политических.

1948-49 годы, во всей общественной жизни проявившиеся усилением преследований и слезки, ознаменовались небывалой даже для сталинского неправосудия трагической комедией повторников.

Т. 1. С. 104. В последние годы жизни Сталина определённо стал намечаться и поток евреев (с 1950-го года они уже понемногу тянулись как космополиты). Для того было затеяно и дело врачей. Кажется, он собирался устроить большое еврейское избиение.⁴⁶

Однако, это стало его первым в жизни сорвавшимся замыслом. Велел ему Бог -- похоже, что руками человеческими -- выйти из рёбер вон.

Т. 1. С. 112. И кроме того, очевидно еще было одно обстоятельство: как всегда, Сталин не выговаривал последнего слова, подчинённые сами должны были догадаться, а он оставлял себе шакалью лазейку отступить и написать "Головокружение от успехов". Планомерное истязание миллионов предпринималось всё-таки впервые в человеческой истории и при всей силе своей власти Сталин не мог быть абсолютно уверен в успехе. На огромном материале опыт мог пройти иначе, чем на малом. Мог произойти непредвиденный взрыв, геологический сброс или хотя бы всемирное разглашение. Во всех случаях Сталин должен был остаться в ангельски-чистых ризах.

Т. 1. С. 136. Уж кстати об ортодоксах. Для такой ЧИСТКИ нужен был Сталин, да, но и партия же была нужна такая: большинство их, стоявших у власти, до самого момента собственной посадки безжалостно сажали других, послушно уничтожали себе подобных по тем же самым инструкциям, отдавали на расправу любого вчерашнего друга или соратника. И все крупные большевики, увенченные теперь ореолом мучеников, успели побыть и палачами других большевиков (уж не считая, как прежде того, они все были палачами беспартийных). Может быть 37-й год и НУЖЕН был для того, чтобы показать, как малого стоит все их МИРОВОЗЗРЕНИЕ, которым они так бодро хорохорились, разворачивая Россию, громя её твердыни, топча её святыни, -- Россию, где и м с а м и м ТАКАЯ расправа никогда не угрожала. Жертвы большевиков с 1918 по 1936 никогда не вели себя так ничтожно, как ведущие большевики, когда пришла гроза на них. Если подробно рассматривать всю историю посадок и процессов 1936-38 годов, то главное отвращение испытываешь не к Сталину с подручными, а к унизительно-гадким подсудимым -- омерзение к душевной низости их после прежней гордости и

непримиримости. ... И как же? как же устоять тебе? -- чувствующему боль, слабому, с живыми привязанностями, неподготовленному?..

Т. 1. С. 216. Им уже известно, что дело -- не в немцах, или не в одних немцах, что из пленных многих национальностей только советские так живут, так умирают, -- никто хуже советских. Даже поляки, даже югославы содержатся гораздо сносней, а уж англичане, а норвежцы -- они завалены посылками международного Красного Креста, посылками из дому, они просто не ходят получать немецкого пайка. Там, где лагеря рядом, союзники из доброты бросают нашим через проволоку подачки, и наши бросаются как свора собак на кость.

Русские вытягивают всю войну -- и русским такой жребий. Почему так?

Оттуда, отсюда постепенно приходят объяснения: СССР не признает русской подписи под гаагской конвенцией о пленных, значит не берет никаких обязательств по обращению с пленными и не претендует на защиту своих, попавших в плен. СССР не признает международного Красного Креста. СССР не признает своих вчерашних солдат: нет ему расчета поддерживать их в плену.

И холодеет сердце восторженного ровесника Октября. Там, в кабинке барака, они сшибаются и спорят с художником-стариком (до Юрия трудно доходит, Юрий сопротивляется, а старик вскрывает за слоем слой). Что это? -- Сталин? Но не много ли списывать всё на Сталина, на его коротенькие ручки? Тот, кто делает вывод до половины -- не делает его вовсе. А -- остальные? Там, около Сталина и ниже, и повсюду по Родине -- в общем те, которым Родина разрешила говорить от себя?

И как правильно быть, если мать продала нас цыганам, нет, хуже -- бросила собакам? -- Разве она остается нам матерью? Если жена пошла по притонам -- разве мы связаны с ней верностью? Родина, изменившая своим солдатам -- разве это Родина? ... Как обернулось всё для Юрия! Он восхищался отцом -- и вот проклял его! Он впервые задумался, что ведь отец его по сути изменил присяге той армии, в которой вырос, -- изменил, чтоб устанавливать вот этот порядок, теперь предавший своих солдат. И почему же с этим предательским порядком связан присягою Юрий?

Т. 1. С. 234. Теперь, через 27 лет, уже всплыла первая честная работа об этом (П. Г. Григоренко -- Письмо в журнал "Вопросы истории КПСС" -- Самиздат, 1968), а дальше они умножатся -- не все же свидетели умерли, -- и скоро никто не назовет правительства Сталина иначе как правительством безумия и измены.

Т. 1. С. 235. И как легко мы исключили их из своего счета: изменил? -- позор! -- списать! Да списал их еще до нас наш Отец: цвет московской интеллигенции он бросил в вяземскую мясорубку с берданками 1866-го года, и то одна на пятерых. (Какой Лев Толстой развернет нам это Бородино?) А тупым переползом жирного короткого пальца Великий Стратег переправил через Керченский пролив в декабре 41-го года

-- бессмысленно, для одного эффектного новогоднего сообщения -- СТО ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ наших ребят -- едва ли не столько, сколько было всего русских под Бородиным -- и всех без боя отдал немцам.

И всё-таки почему-то не он -- изменник, а -- они.

Т. 1. С. 241. Так, кажется, единственно-верно они представляли свой выход. Так, кажется, расходна и глупа была для немецкого командования вся эта затея. Ан нет! Гитлер играл в тон и в лад своему державному брату! Шпиономания была одной из основных черт сталинского безумия. Сталину казалось, что страна кишит шпионами. Все китайцы, жившие на Дальнем Востоке, получили шпионский пункт 58-6, взяты были в северные лагеря и вымерли там. Та же участь постигла китайцев-участников Гражданской войны, если они заблаговременно не умотались. Несколько сот тысяч корейцев были высланы в Казахстан, сплошь подозреваясь в том же. Все советские, когда-либо побывавшие за границей, когда-либо замедлившие шаги около гостиницы "Интурист", когда-либо попавшие в один фотоснимок с иностранной физиономией, или сами сфотографировавшие городское здание (Золотые Ворота во Владимире) -- обвинялись в том же. Глазевшие слишком долго на железнодорожные пути, на шоссе мост, на фабричную трубу -- обвинялись в том же. Все многочисленные иностранные коммунисты, застрявшие в Советском Союзе, все крупные и мелкие коминтерновцы сподряд, без индивидуальных различий -- обвинялись прежде всего в шпионстве. И латышские стрелки -- самые надежные штыки ранних лет революции, при их сплошных посадках в 1937 году обвинялись в шпионстве же! Сталин как бы обернул и умножил знаменитое изречение кокетливой Екатерины: он предпочитал сгноить девятьсот девяносто девять невинных, но не пропустить одного всамделишного шпиона. Так как же можно было поверить русским солдатам, действительно побывавшим в руках немецкой разведки?! И какое облегчение для палачей МГБ, что тысячами валящие из Европы солдаты и не скрывают, что они -- добровольно завербованные шпионы! Какое разительное подтверждение прогнозов Мудрейшего из Мудрейших! Сыпьте, сыпьте, недоумки! Статья и мзда для вас давно уже приготовлены!

Т. 1. С. 405. Кто был в Бахчисарае и помнит эту восточную затею? -- в зале заседаний государственного совета на уровне второго этажа идут окна, забранные листами жести с мелкими дырочками, а за окнами -- неосвещенная галерея. Из зала никогда нельзя догадаться: есть ли там кто или нет. Хан незрим, и совет всегда заседает как бы в его присутствии. При отъявленно восточном характере Сталине я очень верю, что он наблюдал за комедиями в Октябрьском зале. Я допустить не могу, чтоб он отказал себе в этом зрелище, в этом наслаждении.)

Т. 1. С. 407. Однако, еще долго Бухарина не брали. Он потерял "Известия", всякую деятельность, всякое место в партии -- и в своей кремлёвской квартире -- в

Потешном дворце Петра, полгода жил как в тюрьме. (Впрочем, на дачу ездил осенью -- и кремлёвские часовые как ни в чём не бывало приветствовали его.) К ним уже никто не ходил и не звонил. И все эти месяцы он бесконечно писал письма: "Дорогой Коба!.. Дорогой Коба!.. Дорогой Коба!..", оставшиеся без единого ответа.

Он еще искал сердечного контакта со Сталиным!

А дорогой Коба, прищурясь, уже репетировал... Коба уже много лет, как сделал пробы на роли, и знал, что Бухарчик свою сыграет отлично. Ведь он уже отрекся от своих посаженных и сосланных учеников и сторонников (малочисленных, впрочем), он стерпел их разгром. (36) Он стерпел разгром и поношение своего направления мысли, еще как следует нерожденного и недоношенного. А теперь, еще главный редактор "Известий", еще член Политбюро, вот он также снёс как законное расстрел Каменева и Зиновьева. Он не возмутился ни громогласно, ни даже шепотом. Так это всё и были пробы на роль!

А еще прежде, давно, когда Сталин грозил исключить его (их всех в разное время!) из партии -- Бухарин (они все!) отрекались от своих взглядов, чтоб только остаться в партии! Так это и была проба на роли! Если так они ведут себя еще на воле, еще на вершинах почёта и власти -- то когда их тело, еда и сон будут в руках лубянских суфлёров, они безупречно подчинятся тексту драмы.

Т. 1. С. 412. Но даже и прекрасно удавшиеся спектакли были дороги, хлопотны. И решил Сталин больше не пользоваться открытыми процессами.

Вернее, был у него в 37-м году замах провести широкую сеть публичных процессов в районах -- чтобы черная душа оппозиции стала наглядна для масс. Но не нашлось хороших режиссеров, непосильно было так тщательно готовиться, и сами обвиняемые были не такие замысловатые -- и получился у Сталина конфуз, да только об этом мало кто знает. На нескольких процессах сорвалось -- и было оставлено.

Т. 1. С. 431. В годы отечественной войны по разным поводам применение смертной казни то расширялось (например, военизация железных дорог), то обогащалось по формам (с апреля 1943 г. -- указ о повешении).

Все эти события несколько замедлили обещанную полную окончательную и навечную отмену смертной казни, однако терпением и преданностью наш народ всё-таки выслужил её в мае 1947 г. примерил Иосиф Виссарионович крахмальное жабо перед зеркалом, понравилось -- и продиктовал президиуму Верховного Совета отмену смертной казни в мирное время (с заменой на новый срок -- 25 лет. Хороший предлог ввести четвертную).

Но народ наш неблагодарен, преступен и неспособен ценить великодушия. Поэтому побряхтели-побряхтели правители два с половиной года без смертной казни, и 12 января 1950 г. издан Указ противоположный: "ввиду поступивших заявлений от национальных республик (Украина?..), от профсоюзов (милые эти профсоюзы, всегда знают, что надо), крестьянских организаций (это среди сна продиктовано, все крестьянские организации

растоптал Милостивец еще в год великого перелома), а также от деятелей культуры (вот это вполне правдоподобно)... возвратили смертную казнь для уже накопившихся "изменников родины, шпионов и подрывников-диверсантов". (А убрать четвертную забыли, так и осталась.)

Т. 1. С. 489. (Это всё уходит очень глубоко. В трудах прошлого века люмпен-пролетариат осуждался разве только за некоторую невыдержанность, непостоянство настроения. А Сталин всегда тяготел к блатарям -- кто ж ему грабил банки? Еще в 1901 году сотоварищами по партии и тюрьме он был обвинён в использовании уголовников против политических противников.

Т. 1. С. 578. И в предтюремные и в тюремные годы я тоже долго считал, что Сталин придал роковое направление ходу советской государственности. Но вот Сталин тихо умер -- и уж так ли намного изменился курс корабля? Какой отпечаток собственный, личный он придал событиям -- это унылую тупость, самодурство, самовосхваление. А в остальном он точно шел стопой в указанную стопу.

Т. 2. С. 82-86. Как случилось, что для первой великой стройки Архипелага избран был именно Беломорканал? Понуждала ли Сталина дотошная экономическая или военная необходимость? Дойдя до конца строительства, мы сумеем уверенно ответить, что -- нет. Раскалял ли его благородный дух соревнования с Петром Первым, протащившим волоками по этой трассе свой флот, или с императором Павлом, при котором был высказан первый проект этого канала? Вряд ли Мудрый о том и знал. Сталину нужна была где-нибудь великая стройка заключёнными, которая поглотит много рабочих рук и много жизней (избыток людей от раскулачивания), с надежностью душегубки, но дешевле её, -- одновременно оставив великий памятник его царствования типа пирамиды. На излюбленном рабовладельческом Востоке, у которого Сталин больше всего в жизни почерпнул, любили строить великие "каналы". И я почти вижу, как с любовью рассматривая карту русско-европейского севера, где была собрана тогда большая часть лагерей, Властитель провел в центре этого края линию от моря до моря кончиком трубочного черенка.

Объявляя же стройку, её надо было объявить только срочной. Потому что ничего не срочного в те годы в нашей стране не делалось. Если б она была не срочной -- никто бы не поверил в её жизненную важность -- а даже заключённые, умирая под опрокинутой тачкой, должны были верить в эту важность. И если б она была не срочной -- то они б не умирали, и не расчищали бы площадки для нового общества.

"Канал должен быть построен в короткий срок и стоять дешево! -- таково указание товарища Сталина!" (А кто жил тогда -- тот помнит, чтоэ значит -- УКАЗАНИЕ ТОВАРИЩА СТАЛИНА!) Двадцать месяцев! -- вот сколько отпустил Великий Вождь своим преступникам и на канал и на исправление: с сентября 1931 года по апрель 1933-го. Даже двух полных лет он дать им не мог -- так торопился. Двести двадцать шесть

километров. Скальный грунт. Загроможденность местности валунами. Болота. Семь шлюзов "Повенецкой лестницы", двенадцать шлюзов на спуске к Белому морю. И -- "это не Днепрострой, которому дали долгий срок и валюту. Беломорстрой поручен ОГПУ и ни копейки валюты!"

Вот теперь всё более и более нам яснее замысел: значит, так нужен этот канал Сталину и стране, что -- ни копейки валюты. Пусть одновременно работает у вас сто тысяч заключённых -- какой капитал еще ценней? И в двадцать месяцев отдайте канал! ни дня отсрочки.